

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

ZONE 18
NEW YORK, N.Y.

New York
Public Library
152 Ave. B
New York 18, N.Y.

СЛОВО РУССКОЕ СЛОВО 243 West 56th Street, New York 19, N.Y.

СОЮЗ ГОСУДАРСТВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Лондон, 7 августа. — Из осведомленных источников сообщают: конференция, созываемая для образования оборонного союза государств юго-восточной Азии состоится в сентябре или в летней столице Филиппин Багуйо или в столице Таи* (Сиама) Бангкоке.

Соединенные Штаты, Англия Австралия, Франция, Новая Зеландия, Таи, Филиппины и Пакистан уже дали согласие принять участие в этой конференции.

Не исключена возможность участия Бирмы и Цейлона.

Официальных ответов Индии и Индонезии нет, но известно, что правительства этих государств относятся отрицательно к идее оборонного союза в Юго-Восточной Азии.

Страницы прошлого

Достоевский о Бакуине

9 сентября 1867 г. в Женеве открылся конгресс «Лига Мира и Свободы». Это было время Первого Интернационала, так пугающего, но вместе с тем так привлекающего внимание. Пять тысяч человек наполнили зал дворца, где проходил конгресс. Когда приехал Гарибальди, то улицы по которым он проезжал, стоя в толпе в своем живописном наряде, были запружены толпою, приветствовавшей его восторженными криками.

Приехала на съезд и другая знаменитость, водноязычная Европа — Бакунин, давний притворный и смертный враг, сидевший в русских и австрийских казематах, недавно бежавший из Сибири и объявивший войну всему старому миру Европы.

Во время этого конгресса находился в Женеве со своею женою и Достоевский. Его всегдашнее внимание к революционеру, теперь обострилось еще тем, что было это время, когда в его уме созрел роман «Бесы», как известно названный профессором Нечаевым.

На этом съезде Достоевский мог увидеть и услышать самого Бакунина этого великого апостола «Бесов».

Но видел ли? А если видел, то не сказалось ли это на всем романе, не вошел ли в Бакунина в галерею типов «Бесов»? Известно, что Достоевский посетил конгресс и пробыв там два часа, слушая речи. Два письма об этом неоспоримо свидетельствуют. Это письмо Достоевского к Майкову и его письмо к С. Ивановой.

В письме к Майкову Достоевский писал из Женевы:

«Писал ли я вам о здешнем мирном конгрессе? Я в жизнь мою не видел и не слышал подобной бесположности, но и не предполагал, чтоб люди были способны на такие глупости. Все было глупо — и то как собирались, и то как дело повели и то как разрешили. Начали с предложения хотевать, что не нужно больших монархий и все поделить маленькими, потом, что не нужно веры. Это было четыре дня крику и ругательства. Подлинно мы у себя, читая и слушая рассказы, видим все превратно. Нет, посмотрели бы своими глазами, послушали бы своими ушами».

Еще колоритнее отзывается Достоевский об этом, взволновавшем мир конгрессе в письме к Ивановой:

«Я сюда попал прямо на конгресс мира, на который приехал и Гарибальди, пишет Достоевский 29 сентября 1867 года. Гарибальди скоро уехал, но что эти господа, которых я в первый раз видел не в книгах, а на яву, социалисты и революционеры, враги с трибуны, перед 5000 слушателей, то невыразимо. Никакое описание не передаст этого. Комичность, слабость бесположности, несогласие, противоречие себе — это вообразить нельзя. И эта то дрянь волнует несчастный люд работников. Это грустно. Начали с того, что для достижения мира на земле нужно истребить христианскую веру, большие государства уничтожить и поделить маленькими, все капиталы прочь, чтобы все было по приказу и т. д. Все это без малейшего доказательства, все это заучено еще двадцать лет назад наизусть, да так и осталось. И главное — огонь и меч и после того как все истребит, то тогда, по их мнению, и будет мир».

Эти письма Достоевского, подкрепленные аналогичным письмом жены его, не оставляют никакого сомнения, что Достоевский посетил конгресс. Но слышал ли он речь Бакунина? Дело в том, что конгресс длился несколько дней, а Достоевский, по словам его жены, провел там в общем два часа. Значит он прослушал только часть речи. Бакунин говорил всего десять минут и возможно, что Достоевский пропустил его речь. Иначе, он, конечно, помнил бы Бакунина. В приведенном мною письме у Достоевского явно как будто Бакунинские мотивы, когда он передает настроение съезда.

Этот вопрос, слышал ли Достоевский речь Бакунина на

съезде и не явился ли Бакунин прототипом самой загадочной фигуры в «Бесах» — Ставрогина, в двадцатых годах вызвал горячие споры в советской России.

Известный критик и историк литературы, автор многочисленных работ о Достоевском, Л. Гроссман, прочел в 1923 году в «Обществе Любителей Российской словесности» в Ленинграде доклад о Бакуине, как прототипе Ставрогина в «Бесах». Гроссман категорически уверяет, что на Женевском конгрессе Достоевский присутствовал при произнесении речи Бакунина, что оратор произвел на него глубочайшее впечатление и здесь зародился египетски запечатленный образ Ставрогина. Гроссман говорит о влиянии, оказанном на этот конгресс титанической личностью Бакунина на Достоевского.

Достоевский, говорит Гроссман, «жадно всматривался в могучие черты этого гиганта, давно уже знакомого ему по рассказам, теперь же на его глазах беспощадно судившего с высоты трибуны всю цивилизацию. Потрясающий дар слова знаменитого эмигранта, ореол бунтарского героизма и тюремного мученичества, живая легенда об его подвигах и страданиях не могли не взволновать его собрата по эшафотам, тюрьмам и Сибири».

Всматриваясь в черты этого лица, Достоевский почувствовал прилив блаженно томительной тревоги, предвещающей рождение нового творчества. Личность Бакунина как бы расковала дремлющую стихию каких-то творческих возможностей, и новый, еще глубоко загадочный, но уже нестерпимо волнующий образ стал мучительно прорезаться в его сознании. В этот день Достоевский задумал своего Ставрогина».

В дальнейшем Гроссман прослеживает внимательно черты сходства между Ставрогиным и Бакуниным и приходит к категорическому заключению, что прототипом Ставрогина в Бесах, над которым столько ломали голову исследователи Достоевского, родился в голове писателя, когда в Женеве он слушал речь Бакунина.

Этот доклад Гроссмана чрезвычайно заинтересовал всех историков и Бакунина и Достоевского. Проф. Сакулин заявил, что эта оригинальная попытка увидеть прототип Ставрогина в Бакуине ему кажется убедительной. Автор многолетнего исследования о Бакуине — Ю. Стеклов присоединился к этому мнению. Но другой исследователь Бакунина, автор двухтомного труда о нем, В. Полоцкий решительно восстал против этого толкования и в свою очередь выступил с докладом, доказывая, что Достоевский не слушал речи Бакунина в Женеве, так как Бакунин не выступал, и при том все сближения между личностью Бакунина и Ставрогина считает натянутыми и совершенно не доказанными. Полемика по этому вопросу приняла ожесточенный характер. Она потом вошла в специально выпущенную книжку «Спор о Бакуине и Достоевском», изданную в Ленинграде в 1926 г.

Я не могу останавливаться на подробностях этого очень интересного спора, наводящего на новые мысли и относительно Достоевского и относительно Бакунина. Остановлюсь только на итогах спора.

Путем тщательного анализа официальных протоколов съезда и записей ораторов Гроссману удалось установить, что Бакунин произнес свою речь 10 сентября 1867 года, и на этом заседании присутствовал Достоевский. Можно поэтому считать, что Достоевский прослушал пламенную речь апостола всемирного разрушения. Но из этого еще никак не следует, что это создало в его представлении тип Ставрогина.

«Роман, считающийся до сих пор изображением нечеловеческим», пишет Гроссман, является у нас первой монографией о Бакуине. Это одна из самых выдающихся трактовок личности Бакунина во всей мировой

литературе о нем».

О том, что в основе «Бесов» лежит Нечаевское дело, спорить бесполезно, так как мы имеем исчерпывающее заявление самого Достоевского, написанное в 9-том его сочинении. «Некоторые из наших критиков заметили, что я в моем последнем романе «Бесы» воспользовался фабулой известного нечаевского дела, но тут же заметил, что, собственно, портретов у меня нет, все это скажу от себя совершенно справедливо».

Но Бакунин не имел отношения к Нечаевскому делу, и остается вопрос, на основании каких не более или менее остроумных домыслов, которыми занимается Гроссман, а беспорядочных фактов, можно утверждать, что прототипом Ставрогина был Бакунин? Известно, что остались черновые заметки Достоевского о процессе создания «Бесов». В них Достоевский, намекая героев своих Бесов, тут же рядом отмечает, кто является их прототипами.

И в этой черновой тетрадке к «Бесам» Бакунин совершенно не упоминается.

Более того, ни в письмах Достоевского из Женевы, где он подробно говорит о конгрессе, ни в письмах его жены, сообщающей об их женевских переживаниях, нет ни единого слова о Бакуине. И вообще нет никаких показаний во всем

литературном наследстве Достоевского, которые свидетельствовали бы о том, что Бакунин заинтересовал автора «Бесов» и разжег его художественную фантазию, вылившись в фигуру Ставрогина, не говоря уже о том, что Ставрогин, как тип, совсем не похож на Бакунина.

Достоевский ненавидел Бакунина и презрительно как художник, от него отворачивался. Во всем его обширном литературном наследстве есть лишь одно упоминание о Бакуине. И какое!

«Бакунин, старый гнилой мешок брезней, ему легко دستей хоть в нужник нести». Эта грубая фраза показывает, как злобно относился Достоевский к Бакунину. Этого нельзя сказать о Ставрогине.

Подводя итоги этого интересного и для биографии Бакунина и в особенности для истории возникновения «Бесов» Достоевского, литературного спора в Ленинграде в двадцатых годах, надо признать, что гипотеза о том, что прототипом для Ставрогина послужил Бакунин, встретившая сочувствие среди русских видных бакунистов, остается недоказанной. Но путем тщательного анализа протоколов съезда в Женеве и записей ораторов установлено Гроссманом, что Достоевский два часа провел на этом съезде и был как раз в то время, когда произнес свою речь Бакунин. Это новый штрих к биографии Достоевского, и приходится удивляться, что Бакунин не привлекает его особого внимания и он ни словом не обмолвился об этой встрече.

П. Берлин.

Мои маленькие помощники

(Из очерков Нью Йорка)

Один из читателей, старый эмигрант, считающий себя поэтом природным американцем, остался очень недоволен моими очерками о Нью Йорке, особенно тем, что я назвал в них ньюйоркских детей — выдалками.

К письму этому я вернусь в следующий раз, а сейчас поделюсь с читателями моими на блужданиях за другими Нью Йоркскими детьми, которых, на этот раз, выдалками называть не буду.

Я уже писал, что очень жалко ньюйоркских детей. Они не голодают, одеты и обуты, но тем не менее я считаю их несчастными. Ибо все свое свободное время, летом и зимой, они проводят на улицах, где играют, отдают после школьных занятий, а иногда и завтракают. Ни в парк, ни на детские площадки в скверах — их не тянет. Дома они также не сидят и как только вернутся из школы — тотчас же выбегают на улицы, затевают шумные игры, толкают друг за друга и изобретая какие то особые, свойственные только американской молодежи, развлечения.

Вот на свалку выброшена огромная коробка из под рефрижератора. Из нее устраивается комфортабельный домик, в котором тотчас же поселяются два бутуза. Но бедным малюткам не дают наслаждаться новой квартирой. Изнывающие от скуки девочки-подростки завладевают домиком, рвут его на длинные полосы и, завернувшись в картон, катаются в нем по тротуару, стараясь обогнать друг дружку. Неменьшее удовольствие доставляет мальчуганам выброшенное кресло с порванным сидением. В несколько минут кресло окончательно распорут, спиральные пружины вынуты и из них делаются бумеранги. Другие мальчики деловито ревнуют кресло с мусором, извлекая из них пустые бутылки, консервные и пивные банки. Добытые таким образом металлические стараясь позвонятся под автобусы и другие машины. И каждый раз, когда под колесами с треском додается бутылка, восторженными криками оглашают улицы.

Мамаша с детской коляской, в которой, раскидываясь от жары, спит беспокойным сном весь мокрый от пота, ребенок, сидит на ступеньках подъезда и разговаривает с соседками. Я живу по соседству с Центральным парком. Улица, на которой резвятся дети и подростки и где сидят мамаша с детскими колясками, упирается в парк, до которого всего лишь двести ярдов. Но никому из детей,

также и мамашам не приходит в голову преодолеть это пустяковое расстояние и походить на скамейке под густой листвою деревьев или растянуться на одной из многочисленных зеленых лужаек. Они предпочитают душную улицу, пропитанную запахом нефти и бензина и смрадом отбросов из кэн с мусором. Но такой вкус Нью Йоркским обывателям, к которому они привыкают с малодетства.

Я как-то спросил мальчишек, играющих перед моим домом, почему они не играют в парке?

— О мистер: там так скучно! — ответили дети.

Взрослые, которых я также неоднократно спрашивал, почему Нью Йоркские дети не любили парка и все свое время проводят на улицах, ответили мне почти теми же словами:

— На улицах всегда парит оживление. Каждую минуту дети видят что нибудь интересное: мчится, завывая сиреной, пожарная машина с длинной лестницей, звонит и колокол амбулаторный автомобиль, неистово гудят разукрашенные белыми бумажными лентами такси свадебного кортежа или низжит туромозам наскокочившая на другую машину грузовик. А в парке — безлюдье, скука и, кроме деревьев и кустов, там нет ничего забавного. Мы также все свое детство провели на улицах и ходили в парк не любили.

Не удивительно, что полиция и другие детские болезни с каждым годом вырывают из рядов Нью Йоркской молодежи все большее число жертв, о чем на этих днях сообщал «Таймс»...

В том же доме и на той же улице я живу уже почти два года. И конечно — все мальчишки из соседних домов мои знакомые. Среди них у меня есть и приятели, добровольно помогающие мне поддерживать чистоту перед домом. С этой весной добровольно перенесли мне на постоянную службу. В начале и поощрил их решение «жанди». Но вскоре мой десятилетний сосед думая что ему было бы приятно получить вознаграждение деньгами. И в конце концов мы заключили с ними контракт: за сколько он обиделся три раза и не надо подметать тротуар ежедневно, но вечером унести и подвал освобожденные от мусора сены. Но, как видно безработица распространяется также и среди малышей. По этому вскоре предложение труда стало превращать строгих в том, что и принимая рабочих, распространяется